

динах горизонтальная линия представляет собой авторское время, на вертикальной оси откладывается вечное время» [Боева 1993: 7-8]. Эти выводы, конечно, недостаточны. Они не содержат специфики державинской картины мира, ибо в христианской картине мира всегда вертикаль – это вечное предстояние человека перед Богом, а горизонталь – историческое время. Именно поэтому проблема пространственно-временной характеристики художественного мира Державина остается одной из самых актуальных и ждет своего адекватного исследования.

В докладе, опираясь на результаты анализа стихотворений Державина «На смерть князя Мещерского», «Суворов», оды «Бог», переводов и др. текстов, мы хотим предложить иную версию пространственно-временных представлений, характерных для творчества поэта.

Литература

Боева Л.И. Художественное время и пространство в оде Г.Р.Державина «Бог» / Л.И.Боева // Творчество Г.Р.Державина: Проблемы изучения и преподавания. Материалы Юбилейной Междунар.науч.конференции. 14-16 сентября 1993 года. – Тамбов, 1993. – С.5-14

Паламарчук Г. Последние стихотворения Батюшкова и Державина («Река времен...» и «Изречение Мельхиседека») / Г.Паламарчук // Державинский сборник. – Новгород, 1995. – С. 63.

Творчество Г.Р.Державина: Проблемы изучения и преподавания. Материалы Юбилейной Междунар.науч.конференции. 14-16 сентября 1993 года. – Тамбов, 1993.

Ода Державина «На возвращение графа Зубова из Персии»

И.Л.Багратион-Мухранели

ГБОУ ВПО «Московский Городской Психолого-Педагогический Университет»
(Москва)

Ключевые слова: ода, Кавказ, восточная политика, поэтика

Большинство торжественных од Державина связаны с официальными датами и торжествами. Ода Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», произведение, которое появилось вопреки официальной политике, при обстоятельствах драматических, в которых Г.Р.Державин проявил принципиальность и мужество. В феврале 1797 года Павел резко изменил восточную политику России. «Зубов пал жертвою необузданного павловского миролюбия, – пишет Ходасевич. – Он командовал армией, которую Екатерина отправила против Персии. Войска были отозваны вдруг, без ведома Зубова, сам же он брошен на произвол судьбы в краю неприятеля. Державин не-

когда поэтически сравнивал его прежние победы над персами с подвигом Александра Великого. По этому поводу кн. С.Ф.Голицын, встретив Державина при дворе, заметил, что в нынешних обстоятельствах он уже не посмеет писать в честь Зубова. «Вы увидите», – отвечал Державин и, приехав домой, написал оду «На возвращение графа Зубова из Персии», которую не мог, разумеется, напечатать, но в списках пустил по городу» [Ходасевич 1997: 289-290].

«Необузданное миролюбие» Павла было реакцией на действия Екатерины II, во многом строившейся по принципу «наоборот». Екатерина собиралась продолжить политику Петра I в отношении Персии и послала войска в Дербент, собираясь потеснить Персию в Закавказье и на Каспии.

От космогонических и аллегорических образов Ломоносова, од, прославляющих героев (монархов), пафоса героизма, Державин переходит к новому изображению «царей и царств земных». Место ученой географии занимает ученая история. Но главное, Державин меняет масштаб, поэтическую оптику. Он вносит интимность и в образ монарха. Это уже не героическая личность Петра. Императрица предстает как сказочная восточная «премудрая киргиз-кайсацкая» царица Фелица, которой пишет – «переводит с арабского» – «некоторый татарский мурза» – Державин. Валериан Зубов предстает как новый Александр Македонский, хотя этот эпитет был устойчиво закреплен за Александром I.

В большинстве од обычная усадебная жизнь, начинает представлять как роскошная инсценировка. И в изображение природы, где инсценированная фантазия Державина также преображает реальность. Горы, реки, озера уже не абстрактно-аллегорические топоры, они начинают нести печать русской жизни.

Во-первых, это проявляется в перемене времени года. В стихах получает право гражданство зима, которая приходит на место идиллической вечной весны. Затем Державин широко обращается к новой живописности, его отличает любовь к ярким краскам, пурпуру, блеску, которые получают новое фонетическое выражение. Происходит перемена традиции. Начиная с 1779 года в поэзии его пиндарическая ода сменяется горацанской, точнее русско-горацанской. В стихотворении «Ключ» появятся и «жатва золотая», синеющий лес, море туманов и горизонт, ограниченный цепью «пловущих синих, светлых гор».

Это, как и другое произведение того же времени, «На рождение в севере порфирородного отрока», напечатанное в «Санктпетербургском вестнике» в декабре 1779 года, знаменуют важную черту поэзии Державина. В этой оде рождается оригинальная мифология. Она частично заимствована у греков, но переработана. Державин делает низшие мифологические существа – славянскими, соединяет русский мороз и Борея, сатиров помещает греться у костров. Так же органично он будет по аналогии с Горацием рисовать русскую деревню как блаженное место античности.

Дело в том, что новый, интимный образ Екатерины II – Фелицы Державин ценит не столько за героические деяния (как Ломоносов – Петра), сколько за правильный жизненный путь частного человека, за добродетель, которая является залогом счастья. С этой точки зрения Державин изображает двор, где он ценит в первую очередь моральные заповеди, с ними он обращается и к Валериану Зубову.

Но привычная ситуация при Павле кардинально изменилась. При Екатерине при дворе было типичное «культивирование аллегорической сказки, притчи, аполога, потому что в центре интереса – правильный частный жизненный путь добродетель как условие счастья... Поэтому – естественные две половины: неистинное счастье (причуды вельмож...) и верный маяк истинного – императрица... соответственно этому, император – совершитель исторического подвига стал подателем примера, а поэзия – толкователем этого примера; замечательно, что ода входит в ч у ж у ю, не ею придуманную, замысловатую аллегорию, толкует ее, поддерживает фикцию до конца и п р и д в о р е родившуюся аллегорию делает общеизвестной и эстетически обязательной для всех образованных людей.

И вот, эта аллегория ориентальна. Почему? Перед нами ветвь общеевропейского популярного ориентализма XVIII в.; вопрос о соотношении счастья и добродетели естественно принимал у людей XVIII в. принимал форму восточной притчи, и двор калифов, поэтически представлялся соединением роскоши с правдолюбием (в XIX в. это представление о Багдаде и Дамаске перешло в детские книги); этот условный Восток повестей Вольтера в России был осложнен своим Востоком – татарско-дворянским; не один Державин, значительная часть русского дворянства пережила тогда возрождение своего татарского самосознания... в благоприятной атмосфере общей любви XVIII в к *un Orient de convention* заговорила гордость татарского происхождения и, совершенно неожиданно, русская поэзия окрасилась этим странным возрождением. В «Фелице» можно проследить колебание между двумя Востоками: татарским и калифатом. Как будто, когда речь идет о вельможах, преобладает татарский, а о Фелице – калифатский и чисто вольтеровский» [Пумпянский 2000 : 94].

Державин признавался в «Записках», что он – «парить не в силах» [Державин 1864-1883, т.6: 443], т.е.: писать как Ломоносов, и стал искать свой особый путь, который в ситуации кризиса, при смене политики, становится особенно интенсивным. Он создает свой восток. Державин прикоснулся в этой оде к кавказской теме. Ода «На Возвращение графа Зубова из Персии» и стихи «На взятие Дербента», где есть кавказские реалии, были написаны во второй период творчества, в котором сохраняются основные черты его поэтики.

В первых четырех строфах Державин задается вопросом о счастии, об истинных ценностях и «добродетелях». И только после этого непосредственно обращается

к герою оды, графу Валериану Зубову, отозванному из похода в связи со смертью Екатерины и переменой политики России на Востоке.

О юный вождь! Сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Дальше Державин сравнивает графа Зубова не только с Александром Македонским («по быстром персов покореньи В тебе я Александра чтил»), но и с Суворовым «Смотри, как в ясный день, как в буре Суворов тверд, велик всегда! Ступай за ним! – небес в лазуре Еще горит его звезда». Дает прямые наставленья «Учиться никогда не поздно, исправь поступки юных лет; То сердце прямо благородно, Что ищет над собой побед». И кончает прославление героя философскими рассуждениями о превратностях судьбы и размышлением о смерти, замыкая рассуждения первых строф: «Цель нашей жизни – цель к покою: Проходим для того сей путь. Чтобы от мразу или зною Под кровом ночи отдохнуть».

В последней строфе Поэт перестает обращаться к адресату оды и пишет от себя:

Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и идти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть, -
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушной сим путем,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идем.

Этот финал мог появиться после религиозно-философских од, таких как «Бог», читалагайские оды. Кроме того, выбор адресата требовал определенного мужества. Зубов, по смерти Екатерины был в опале и рассуждения в тексте о превратностях фортуны должны были дать пример истинно добродетельного поведения в том числе и со стороны поэта. Но связь с реальностью в этой оде не прямая, исторический под-

текст как бы мерцает в общем рассуждении, но проступает очень явственно. В частности, Державин не упоминает имени Петра и его восточной политики, хотя был известен такой выразительный факт, как встреча Зубова со 120-летним старцем, который вручал ему ключи от Дербента. Юношей этот старик вручал ключи Петру Великому. В оде упоминается имя Суворова, также как Зубов, несправедливо обиженного на тот момент Павлом. Отсюда появляется горько-обличительная интонация, роднящая эту оду с переводом 81 псалма «Властителям и судьям»

Смотри, – я рек, – триумф минуто,
А добродетель век живет.
Сбылось! – Игру днесь Счастья люто
И как оно к тебе хребет

Свой с грозным смехом повернуло
Ты видишь; видишь, как мечты
Сиянье вокруг тебя заснуло,
Прошло, – остался только ты.

Эта ода яркое явление в творчестве Державина. Она включает самые разные черты его поэтики – черты пиндарической оды (прославление героя). Аллегорическое изображение Каспия как старца, у которого «столбом власы седые вьются», когда из олицетворения на наших глазах рождается мифологический персонаж. Излюбленные Державиным эпитеты-неологизмы вроде «злато-багряна», «сизо-янтарна», изображение звуковой стороны природы «рожденье молний и громов». Державин дает в этой оде поэтические формулы, которые будут долго существовать в русской поэзии. Кавказ для него одновременно «ужасы, красоты природы». Этот контраст перейдет в поэзию романтизма, также как прием олицетворения. У Державина Каспий «трезубцем бьет по кораблям // Столбом власы седые вьются // И глас его гремит в горах». У Лермонтова горы будут вести «великий спор» (Казбек с Шат-горою и др.).

Но найденный Державиным образ Кавказа: в неразрывном единстве «ужасы, красоты природы» - останутся в русской литературе XIX века почти на целое столетие.

Литература

Державин Г.Р. Сочинения / С объяснениями и примечаниями Я.Грота. – С-Пб.: В тип. Императорской Академии наук, 1864-1883. – Т.6. – 1871. – 443 с.

Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / Л.В.Пумпянский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 864 с.

Ходасевич В.Ф. Державин / В.Ходасевич // Ходасевич В. Собр.соч. в 4-х т. – М.: Согласие. – Т.3. – 1997. – 460 с.